

LA RAZÓN HISTÓRICA. REVISTA HISPANOAMERICANA DE HISTORIA DE LAS IDEAS.

Опыт построения элитарного государства

Георгий Титов

Сегодня российским обществом и, в том числе, православной патриотической общественностью Запад воспринимается как источник идей индивидуализма, либерализма и, глобализации и унификации. И в основном, это верно. Но было и есть там и то, что послужило бы примером для русских людей, старающихся наладить свою личную, общественную и государственную жизнь в соответствии с заветами христианства. И, на мой взгляд, особого внимания заслуживает опыт небольшой и по многим параметрам далёкой от нас страны на западной оконечности Европы.

Известный исследователь творчества Константина Леонтьева Юрий Иваск в своей книге высказал предположение, что если бы Леонтьев дожил до половины 20-го века, то был бы сторонником корпоративных государств, отстроенных Франко в Испании и Салазаром в Португалии. На мой взгляд, это предположение не безосновательно, а, напротив, вытекает из внутреннего родства идей одушевлявших как замечательного русского мыслителя, так и указанных лидеров далёких Пиренеев.

Леонтьев известен у нас как сторонник и выразитель двух, как кажется многим, несовместимых идей: самого мощного расцвета индивидуальности, красоты, цветения национальной жизни и твёрдой, деспотической и тоже мощной государственности. Попробуем показать, что они не только совместимы, но и требуют одна другую и какое отношение к их осуществлению имеет португальский кондукатуш, как, впрочем, и близкий ему по духу испанский каудильо Франко.

Что же полагает Константин Леонтьев условием образования яркой индивидуальности? Вот что он писал: «нужны пёстрые группы как для образования особых, общих, крепких типов, однородных в каждой группе, отдельно взятой, своеобразных при сопоставлении с другими группами и слоями; так и для богатой формации отдельных типов и для содержательности самих произведений ума и фантазии. Так, например, монах, похожий на других людей своей сословной группы, на монахов, становится очень оригинален, как только мы его сравним с членом другой, довольно однородной в самой себе сословной группы, положим с солдатом; так малоросс, сохранивший все главные психические и бытовые черты своей

провинциальной или этнологической группы, не особенно оригинальный у себя дома, чрезвычайно оригинален, если сравнить его с великороссом-крестьянином, представителем другой местной группы и т.д.

Тип, смешанный из двух равно крепких, имевших время устояться типов, выходит нередко в своём роде прекрасный. Таковы, например, выходившие прежде у нас хорошие монахи из старых солдат. Таковы бывали у нас же дворяне, генералы из мужиков, поповичей или простых казаков: старый Скобелев, Котляревский, граф Евдокимов; или даже генералиссимусы из московских пирожников, подобно Меншикову. Таков был Наполеон I из семьи бедных, закоснелых корсиканских дворян.

Чем бледнее будут цвета составных частей, тем ничтожнее и серее будет и сложенный из этих цветов психический рисунок; чем отдельно будут социальные слои и группы, чем их обособленные цвета гуще, или ярче, чем их психический строй твёрже (т.е. обособленнее), чем неподатливее на чужое влияние, - тем и выше и больше будет случайный, вырвавшийся из этих групп и прорвавший эти слои, сложный психический или вообще исторический продукт». Словом: «разнообразие лиц или усиление особой личности в людях обуславливается именно отдельностью социальных групп и слоёв».

Размышляя о форме государства, Леонтьев задаёт себе вопрос: что же такое форма? «Форма вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании). Она есть отрицательный момент явления, материя – положительный. В каком смысле? Материя, например, данная нам, есть стекло, форма явления – стакан, цилиндрический сосуд, полый внутри: там, где кончается стекло, там его уже нет, начинается воздух вокруг или жидкость внутри сосуда; дальше материя стекла не может идти, не смеет, если хочет остаться верна основной идее своей – полого цилиндра, если не хочет перестать быть стаканом.

Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет.

Шарообразная или эллиптическая форма, которую принимает жидкость при некоторых условиях, есть форма, есть деспотизм внутренней идеи». Учение о форме Леонтьева, как отмечает лучший, на мой взгляд, интерпретатор его творчества Татьяна Глушкова: «Это учение об организации. С принципом единства при цементирующем начале - не костенящем, но обеспечивающем явлению сохранность». Это учение и об организации национальной жизни, то есть об организации государственности. «Идея единства заведомо требует объектов единения: их множественности и разнородности. «Цветущая сложность» - вершина развития – воплощает как раз торжество насыщенного разнообразием единства, основанного на той или иной общей внутренней идее. В цветущем государстве – это многословность, социальная многослойность, многокорпоративность, многоукладность, даже разноплеменность, «разнохарактерность областей», сложная «бытовая

узорность», пестрота нравов, вкусов, обычаев, разнообразная самобытность всякого местного творчества (в раме разнообразной же местной природы), неравномерность экономических положений и политических прав, упругая гармоника горизонтальных связей и развитость иерархии с безусловной ценностью всех своеуместных звеньев» - так вкратце резюмирует мысль Леонтьева Татьяна Глушкова.

Корпоративности, расслоения общества требует как усиление индивидуальности людей, так и идея сильного государства. Добавлю, что неравноправность, т.е. различие в правах проистекает из различия функций тех или иных слоёв в государстве при придании им государством особого юридического статуса. Поэтому, большая неравноправность логически требует разнообразия признанных государством слоёв.

Обратим внимание на иерархию своеуместных звеньев. Только эти звенья и создают «цветущую сложность». Неуместные звенья создают болезнь явления в данном случае государства. Звенья уместны и осложняют явление на пользу ему тогда, когда они выражают его идею. Таким образом, не все возникающие союзы имеют с точки зрения сохранения государственности право на существование. По моему мнению, именно такой взгляд на государство и его элементы как на «цветущую сложность» своеуместных звеньев под сенью деспотической идеи роднит мировоззрение калужского помещика и православного монаха Леонтьева с идеологией испанского и португальского государств середины 20-го века.

И Леонтьев, и Салазар, и Франко были приверженцами государственности христианской. Леонтьев был озабочен сохранением России – наследницы Византии, православный дух которой он считал нашим безценным наследством, и который уже начал гаснуть к его времени. А в одной из своих речей создатель и бессменный руководитель на протяжении 40 лет португальского «нового государства» профессор экономики Антониу Салазар призвал: «Рассматривать Государство как служение Богу во имя общего блага, всем сердцем – теми, кто облечён властью; не забывать, когда повелеваешь, во имя какой справедливости это осуществляется, и не забывать, когда подчиняешься, о священном достоинстве того, кто повелевает». Христианская государственность и была для них той «деспотической идеей», не дающей основанной на ней материи национальной жизни разбежаться и раствориться в окружающем. Салазар и Франко, как никто из европейских, да и мировых лидеров понимали, что сложность и цветение элементов их миров тогда возможны, когда скреплены рамками объединяющей их идеи христианской государственности. В этих рамках осложнение и цветение составных частей целого даёт силу и своеобразие самому целому. Но появление и развитие элементов, не вписывающихся в единство целого - губит это целое, а, следовательно, губит и его элементы.

Какие же явления социальной жизни, по мнению творцов и идеологов

указанных режимов, были губительны для испанского и португальского миров? В первую очередь это, конечно же, идеологические системы противоречащие основному принципу этих государств и организации на этих системах основанные. Испанская и португальская традиции в той мере, в какой они хотели оставаться сами собой и продолжить своё существование должны были отторгнуть уничтожить такие системы и основанные на них организации. Такими идеями для иберийских стран были коммунизм и либерализм, происходящие из одного корня – безбожного индивидуализма. Известна, конечно, и нелюбовь Леонтьева к этим идеологиям. Поэтому иберийский мир, сохраняя себя, запретил пропаганду таких идеологий и победил в войне как в Испании или победил, духовно и мирно в Португалии (к сожалению, на время и там и там) и изгнал из стран или во внутреннюю эмиграцию носителей этих идеологий. Но важно было предупредить саму возможность их рецидива.

Такая возможность существует всегда, если государственный строй основан на политических партиях. Поэтому они были запрещены как в Испании за исключением одной правящей или крайне стеснены в возможностях как у Салазара. Последний заявил: «Мы делаем шаг в своём политическом и социальном развитии, так как политическая партия, которая базируется на индивидууме, на гражданине или избирателе, не имеет более достаточного основания для существования. Человек в изолированном положении - это абстракция, фикция, которая была создана главным образом под влиянием ошибочных принципов, какие являлись обычными в последнем столетии». По его мнению: «Политический либерализм создал «гражданина», индивида, оторванного от своей семьи, от своего сословия, от своей профессии, от своего культурного круга, от экономической общности - которым он принадлежит, присвоив ему – в той мере, в которой он осуществляет это факультативно – право вмешиваться в созидание Государства». Такое факультативное и, следовательно, некомпетентное вмешательство путём периодических голосований и есть основа партийного государства.

Но на что же опирались эти политические миры, что являлось элементами их государственности? Основным принципом принятой при Салазаре Конституции Португалии было то, что гражданин существовал как член определенной группы, а не как индивидуум. Вследствие этого он имел в семье, профессиональной группе и муниципальной общине определенные права. На местном уровне только главы семейств могли избирать районный совет. Новое государство рассматривалась как корпоративная система подобная семье за круглым столом разрешающей свои конфликты и достигающей своих целей. И здесь нельзя не вспомнить глубокие провидческие мысли К. Леонтьева о так называемом «рабочем вопросе»: «Надо стоять на уровне событий, надо понять, что организация отношений между трудом и капиталом в том или другом виде есть историческая неизбежность». А также предлагаемую им общую формулу такой организации в виде корпоративной организации человеческих обществ. К сожалению, в России этого своевременно сделать не удалось. В реальности

эта идея, как утверждают русские мыслители 20-го века Иван Ильин и Николай Воейков, в лучшей форме была воплощена в салазаровской Португалии.

Немецкий поклонник принципов салазаризма Р. Шапке описывает систему так: «Синдикаты (профсоюзы) наемных рабочих заключали договоры с «гремиос» (объединениями работодателей). Они были одобряемы общими корпорациями и принимались правительством. Общая корпорация охватывала и координировала деятельность всех организаций в своей области. Синдикаты и «гремиос» объединялись в профессиональные группы, каждая из которых охватывала отдельную ветвь. Вышестоящие целевые объединения представляли интересы синдикатов и «гремиос» различных примыкающих профессиональных групп. В качестве общей корпорации целевое объединение избирало представителей в палату корпорации. Синдикат и «гремиос» являлись юридическими лицами, в противоположность итальянской модели независимыми от государства. Кроме того, существовали целевые объединения и для неэкономических областей, таких как церковь, оборона, судебная система, муниципалитеты, администрация, университеты, музыка, изящные искусства и даже Олимпийский комитет. Как общественные группы они должны были претворять в жизнь идеи и осуществлять мероприятия, чтобы пронизывать и изменять общество, включая управление и законодательство. Координирующим инструментом интересов этих групп являлось государство; интересы производства должны были подчинены экономическому целому, духовной цели и судьбе нации». Нечто подобное под названием вертикальных профсоюзов было основой государства и во франкистской Испании.

Конечно же, нельзя сбрасывать со счетов недостатки этих режимов, таких как, к примеру, отсутствие учения об удерживающем мир от гибели православном царе. Само их падение после смерти лидеров под натиском апостасийного внешнего мира произошло не без участия в них самих апостасийных процессов. Но вместе с тем нельзя, на мой взгляд, не присоединиться к мысли Николая Воейкова, заканчивающего свою статью о Салазаре так: «Для нас, русских, мысли Салазара и его продуманная государственная система корпораций (сопоставимых с артелями Древней Руси), несомненно, могла бы послужить для возрождения Российской Империи, первой жертвы мирового коммунизма».

Обидно, однако, что католики в лице фалангистов и салазаристов свой светильник веры сумели в 20-м веке поставить на высоту, освещающую социальную и государственную жизнь. А яркий свет православного вероучения, предназначенный и для общественной жизни, со времени революции до сих пор находится под спудом.

Священник Георгий Титов, настоятель храма Вознесения Господня г. Барнаула